

ГЛАВА XIV.

Днем разразился сильный ливень, и я пришел к выводу, что состояние улиц будет таким, что моим хозяевам придется отказаться от идеи пойти куда-нибудь поужинать. Хотя столовая, как я понял, находится совсем рядом. Я был очень удивлен, когда в обеденный перерыв дамы появились готовыми к выходу, но без резиновых сапог и зонтиков.

Тайна объяснилась, когда мы оказались на улице, поскольку сплошное водонепроницаемое покрытие было спущено, чтобы закрыть тротуар и превратить его в хорошо освещенный и совершенно сухой коридор, который был заполнен группой леди и джентльменов, одетых к обеду. По углам все открытое пространство было покрыто такой же крышей. Эдит Лите, с которой я гулял, казалось, была очень заинтересована в том, чтобы узнать то, что казалось ей совершенно новым, а именно, что в штормовую погоду улицы Бостона моего времени были непроходимы, за исключением людей, защищенных зонтиками, ботинками и плотной одеждой.

"Неужели тротуарные покрытия вообще не использовались?" - спросила она. Я объяснил, что они использовались, но разрозненно и совершенно бессистемно, являясь частными предметами роскоши. Она сказала мне, что в настоящее время все улицы защищены от непогоды таким образом, как я видел, когда в этом не было необходимости, оборудование убиралось с дороги. Она намекнула, что было бы сочтено чрезвычайным идиотизмом позволять погоде оказывать какое-либо влияние на социальные движения людей.

Доктор Лите, который шел впереди, подслушав кое-что из нашего разговора, повернулся, чтобы сказать, что разница между эпохой индивидуализма и эпохой конгломерации хорошо характеризовалась тем фактом, что в девятнадцатом веке, когда шел дождь, жители Бостона поднимали триста тысяч зонтиков над столькими же головами, а в двадцатом веке они подняли один зонтик над всеми головами.

Когда мы шли дальше, Эдит сказала:

"Личный зонтик - любимая фигура отца, иллюстрирующая старый уклад, когда каждый жил для себя и своей семьи. В Художественной галерее есть картина девятнадцатого века, изображающая толпу людей под дождем, каждый из которых держит свой зонтик над собой и своей женой и поливает своих соседей, что, по его словам, должно было быть задумано художником как сатира на свое время."

Теперь мы вошли в большое здание, в которое вливался поток людей. Я не мог видеть фасад из-за навеса, но, если бы он соответствовал интерьеру, который был еще прекраснее, чем магазин, который я посетил накануне, он был бы великолепен. Мой спутник сказал, что скульптурная группа над входом вызвала особое восхищение.

Поднявшись по парадной лестнице, мы прошли некоторое расстояние по широкому коридору, в который выходило множество дверей. В одном из них, носившем имя моего хозяина, мы и свернули, и я оказался в элегантной столовой, где был накрыт стол на четверых. Окна выходили во внутренний двор, где на большой высоте бил фонтан, а музыка наполняла воздух легкостью.

"Вы, кажется, здесь как дома", - сказал я, когда мы сели за стол, и доктор Лите коснулся кнопки оповещения.

"На самом деле это часть нашего дома, слегка отделенная от остального", - ответил он. "У каждой семьи в приходе есть отдельная комната в этом великолепном здании для постоянного и эксклюзивного использования за небольшую годовую аренду. Для временных гостей и

частных лиц есть жилье на другом этаже. Если мы собираемся пообедать здесь, мы делаем заказы накануне вечером, выбирая все, что есть на рынке, согласно ежедневным сообщениям в газетах.

Еда настолько дорогая или простая, насколько нам заблагорассудится, хотя, конечно, все намного дешевле и лучше, чем было бы, если бы готовили дома. На самом деле нет ничего, что интересовало бы наших людей больше, чем совершенство обслуживания и приготовления пищи, выполняемых для них, и я признаю, что мы немного гордимся успехом, которого достигла эта отрасль обслуживания. Ах, мой дорогой мистер Уэст, хотя другие аспекты вашей цивилизации были более трагичными, я могу себе представить, что ничто не могло быть более удручающим, чем бедные обеды, которые вам приходилось есть, то есть всем вам, у кого не было большого богатства".

"Вы бы обнаружили, что люди моего времени были бы солидарны с вами по этому вопросу", - сказал я.

Теперь появился официант, симпатичный молодой человек, одетый в слегка отличающуюся униформу. Я внимательно наблюдал за ним, так как это был первый раз, когда я смог детально изучить осанку одного из рядовых промышленной армии. Этот молодой человек, как я понял из того, что мне сказали, должен быть высокообразованным и равным в социальном плане и во всех отношениях тем, кому он служил.

Но было совершенно очевидно, что ни для одной из сторон ситуация не была ни в малейшей степени неловкой. Д-р. Лите обратился к молодому человеку тоном, лишенным, конечно, как и подобает любому джентльмену, высокомерия, но в то же время ни в коей мере не осуждающим, в то время как манеры молодого человека были просто манерами человека, намеренного правильно выполнить задачу, которой он был занят, в равной степени без фамильярности или подобострастия.

На самом деле это была манера солдата при исполнении служебных обязанностей, но без военной чопорности. Когда юноша вышел из комнаты, я сказал:

"Я не могу перестать удивляться, видя, как такой молодой человек с таким удовольствием служит на должности прислуги".

"Что это за слово "прислуга"? Я никогда этого не слышала", - сказала Эдит.

"Сейчас это устарело", - заметил ее отец. "Если я правильно понимаю, это относилось к лицам, которые выполняли особенно неприятные задания для других, и несло в себе оттенок презрения. Не так ли, мистер Уэст?"

"Примерно так", - сказал я. "Личное обслуживание, такое как прислуживание за столами, в мое время считалось черной работой и вызывало такое презрение, что культурные и утонченные люди терпели лишения, прежде чем снизойти до этого".

"Какая странно искусственная идея", - удивленно воскликнула миссис Лите.

"И все же эти услуги должны были быть оказаны", - сказала Эдит.

"Конечно", - ответил я. "Но мы навязали их бедным и тем, у кого не было другой альтернативы, кроме голода".

"И увеличили бремя, которое вы возложили на них, добавив свое презрение", - заметил доктор

Лите.

"Я не думаю, что ясно понимаю", - сказала Эдит. "Вы имеете в виду, что вы позволяли людям делать для вас то, за что вы их презирали, или что вы принимали от них услуги, которые вы не хотели бы им оказывать? Вы же не можете говорить это всерьез, мистер Уэст?"

Я был вынужден сказать ей, что факт был именно таким, как она заявила. Доктор Лите, однако, пришел мне на помощь.

"Чтобы понять, почему Эдит удивлена, - сказал он, - вы должны знать, что в наши дни аксиомой этики является то, что принимать от другого услугу, которую мы не хотели бы возвращать услугой, если бы это было необходимо, все равно что брать займы с намерением не возвращать, в то время как принуждать к такому служению, пользуясь бедностью или нуждой человека, было бы таким же безобразием, как насильственное ограбление.

Самое худшее в любой системе, которая разделяет людей или позволяет им быть разделенными на классы и касты, то, что она ослабляет чувство общей человечности. Неравное распределение богатства и, что еще более эффективно, неравные возможности в области образования и культуры разделили общество в ваше время на классы, которые во многих отношениях рассматривали друг друга как разные расы. В конце концов, между нашими взглядами на этот вопрос служения нет такой разницы, как могло бы показаться.

Леди и джентльмены из образованного класса в ваше время не больше позволили бы людям своего класса оказывать им услуги, которые они презирали бы в ответ, чем мы позволили бы кому-либо делать это. Однако на бедных и некультурных они смотрели как на людей иного сорта, чем они сами. Равное богатство и равные возможности культуры, которыми сейчас пользуются все люди, просто сделали нас всех членами одного класса, который соответствует самому удачливому классу с вами.

До тех пор, пока не произошло это равенство условий, идея солидарности человечества, братства всех людей, никогда не смогла бы стать реальным убеждением и практическим принципом действия, которым она является в настоящее время. В ваше время действительно использовались те же самые фразы, но это были просто фразы."

"Официанты тоже работают добровольно?"

"Нет", - ответил доктор Лите. "Официанты - это молодые люди из неклассифицированного класса промышленной армии, которые могут быть назначены на всевозможные профессии, не требующие особых навыков. Прислуживание за столом - одно из них, и каждому молодому рекруту дают попробовать это на вкус. Я сам служил официантом в течение нескольких месяцев в этой самой столовой около сорока лет назад. Еще раз вы должны помнить, что не признается никакой разницы между достоинством различных видов работы, требуемых нацией.

Индивид никогда не рассматривается и не считает себя слугой тех, кому он служит, и он никоим образом не зависит от них. Это всегда нация, которой он служит. Не признается никакой разницы между функциями официанта и функциями любого другого работника. Тот факт, что это личная услуга, с нашей точки зрения, безразличен. Как и у врача. Я с таким же успехом мог бы ожидать, что наш сегодняшний официант будет смотреть на меня свысока, потому что я обслуживал его как врача, как и думать о том, чтобы смотреть на него свысока, потому что он обслуживает меня как официанта".

После ужина мои хозяева провели меня по зданию, размеры которого, великолепная архитектура и богатство украшений поразили меня. Казалось, что это была не просто столовая,

но также и большой увеселительный дом, и общественное место встречи соседей, и, казалось, не было недостатка ни в каких средствах развлечения или рекреации.

"Здесь вы найдете иллюстрацию того, - сказал доктор Лите, когда я выразил свое восхищение, - что я сказал вам в нашей первой беседе, когда вы смотрели на город. О великолепии нашей общественной и обыденной жизни по сравнению с простотой нашей частной и домашней жизни, и контраст, который в этом отношении двадцатый век имеет с девятнадцатым веком.

Чтобы избавить себя от бесполезного бремени, у нас дома так мало вещей, чтобы соответствовать минимально комфортному уровню, но социальная сторона нашей жизни богато украшена и роскошна, чего мир никогда раньше не знал. Все промышленные и профессиональные гильдии имеют такие обширные клубы, как этот, а также загородные, горные и приморские дома для занятий спортом и отдыха во время каникул."

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/83668/2707697>